

62 года прошло с трагического для нашей страны дня 22 июня 1941 года, но и у тех, кто сам его пережил, и у каждого, кому небезразличны судьбы Родины, остается "проклятый вопрос": почему так случилось?

«ВНЕЗАПНОЕ, ВЕРОЛОМНОЕ»

Первое объяснение дал Молотов в выступлении по радио сразу после начала войны: внезапность и вероломность нападения фашистской Германии. Вероломность — да. Был пакт 1939 года о ненападении, были многочисленные заверения германского руководства, в том числе и Гитлера, о верности данным обязательствам. Но насчет внезапности...

Опасность войны в 1941 году, как говорится, витала в воздухе. Мне тогда было 8 лет, но даже в детском восприятии она ощущалась. По радио, без которого тогда не обходилась ни одна семья, и у многих вообще никогда не выключалось, даже на ночь, очень часто исполнялась песня "Если завтра война". Подготовка шла всюду. Я прекрасно помню, что в нашем доме в Москве на Спиридоновке задолго до рокового дня было оборудовано бомбоубежище, всем жильцам на другой же день выдали противогазы и светозащитные шторы на окна. Группы МПВО — местной противовоздушной обороны — были давно сформированы. В первую же воздушную тревогу оказалось, что в метро, куда поначалу многие устремлялись по звуку сирены, все готово для таких случаев: стояли топчаны и раскладушки, дежурили медики.

В военкоматах лежали списки призывников, и в первый же день войны большинство получили повестки (а кто не получил, выстраивались в длинные очереди — записываться в добровольцы). Народ давно готовился к этому.

Безусловно, внезапным стал день нападения Германии. Но день нападения всегда внезапен — история всех войн XX века тому свидетельство. Мудрый Б.М. Шапошников в своих военно-научных трудах когда еще писал: "После русско-японской войны, начатой японцами без формального ее объявления, никто не думал, что будущая европейская война произойдет со всеми формальными церемониями, а не начнется фактически нападением одной из сторон".

Я на всю жизнь запомнил утро 22 июня — ясное, солнечное, безмятежное. Вместе с другими ребятами я, как ни в чем не бывало, радостно выбежал во двор, где проходила вся наша мальчишеская жизнь. А там уже гуляла ошеломительная новость: немцев из германского посольства забирают. Посольство находилось на той же Спиридоновке, через два дома от нашего, и ребята постарше, которые успели сбегать туда, рассказывали, как немцев "прикладками загоняли в машины". Я побежал домой рассказать об этом родителям, но они по случаю воскресенья еще спали. В 12 часов передали выступление Молотова, и тотчас люди ринулись к магазинам — закупать крупу, муку, сахар, соль, спички, мыло. Мгновенно обрадовались длиннющие очереди, про которые тогда уже все забыли, и которые с этого дня остались в нашей жизни на долгие десятилетия.

Но что Москва. Генерал Гудериан в "Воспоминаниях солдата" писал: "20 и 21 июня я находился в передовых частях моих корпусов, проверяя их готовность к наступлению. Тщательное наблюдение за русскими убеждало меня, что они ничего не подозревают о наших на-

В архиве сохранилась телеграмма советского посла во Францию, датированная 19 июня 1941 года: "Сейчас здесь все журналисты болтают о всеобщей мобилизации в СССР, о том, что Германия предъявила нам ультиматум об отделении Украины и передаче ее под протекторат Германии и прочее. Слухи эти идут не только от англичан и американцев, но и из немецких кругов. По-видимому, немцы, пользуясь этой агитацией, готовят решительную атаку на Англию".

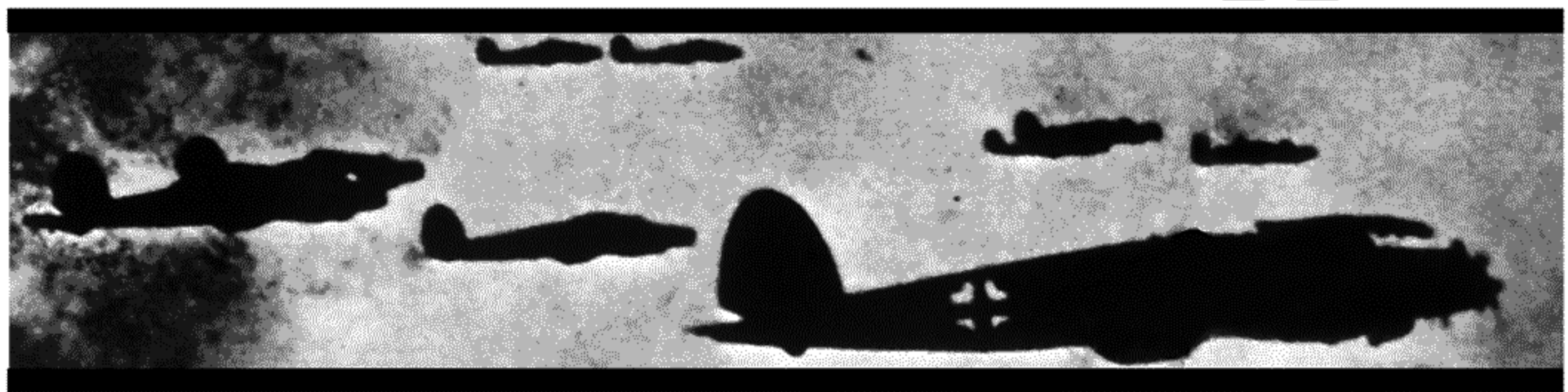
Немцы до самых последних недель перед началом агрессии со всей своей пунктуальностью выполняли обязательства по поставкам СССР техники, металла и другой продукции, в том числе оборонной, например, оборудования для военных заводов. "Весной 1941 года, — пишет Гудериан, — Гитлер разрешил русской военной комиссии осмотреть наши танковые училища и танковые заводы, приказав все показать русским". Тогда же наших специалистов пригласили на немецкие авиационные предприятия. Кроме дезинформации, эти демонстрации преследовали цель морально подавить будущего противника огромным превосходством немецкой военной техники. Не надо забывать, что в 1940–1944 годах ресурсы Германии были больше наших по производству электроэнергии в 1,8 раза, угля — в 4,8 раза, стали — в 2,6 раза.

Гитлеру всегда был свойственен авантюризм. Решение вести войну на два фронта — с Англией и Советскими Союзом не шло ни в какое сравнение с его прежними авантюрами и в конечном итоге погубило и его, и созданный им "Третий рейх". Ни одному трезво мыслящему политику в голову не могло прийти, что он на это решится. Отсюда неверие в возможность нового нападения в 1941 году. Оно выглядело безумием. Но именно авантюрные решения Гитлера на грани безумия вынуждали другую сторону делать самые серьезные ошибки.

Вот как характеризует обстановку перед началом войны маршал Советского Союза К.А. Мерцков, занимавший в 1940–1941 гг. посты начальника Генерального штаба, а затем заместителя наркома обороны.

"Было ли наше руководство убеждено, что летом 1941 года удастся избежать войны и, значит, выиграть время хотя бы до следующей весны? Мне об этом тогда ничего не говорили. Од-

ТРАГЕДИЯ



мерениях. Во дворе крепости Брест, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра проводили развод караулов. Береговые укрепления вдоль Западного Буга не были заняты русскими войсками. Работы по укреплению берега едва ли хоть скольконибудь продвинулись вперед за последние две недели".

Два года назад на выставке архивных документов к 60-летию начала Великой Отечественной войны был представлен документ НКВД о том, что население приграничной полосы совершенно спокойно реагировало и на шум моторов по ту сторону границы, и на самолеты, летящие над головами, и на три ракеты — красную, зеленую и желтую — сигнал к наступлению. Решили, что это либо продолжение ставших привычными немецких маневров, либо начало наших учений, назначенных на 20-е числа июня. Никаких мер предосторожности люди не приняли, многие погибли во сне, под артиллерийским огнем и танковыми гусеницами. И не только гражданские. В Бресте целая полковая школа оказалась погребенной под развалинами после прямого попадания авиабомбы.

Брат моего отца, мой дядя Евгений Семенович Изюмов проходил под Брестом действительную военную службу. Их часть никто не поднял по тревоге. Они проснулись в своем летнем лагере от разрывов немецких снарядов. Кинулись к оружейным — заперто. К танкам (он служил в танковых войсках) — баки пусты... К машинам — они стоят на колодках.

Немецкие генералы в своих мемуарах с нескрываемым удивлением писали о том, как пулеметным огнем со своей стороны реки уничтожали наши самолеты, стоявшие прямо на ее берегу, как гибли спростонья сотни и тысячи красноармейцев.

"Это Сталин виноват", — твердят нам со времен Хрущева. "Это он не поверил донесениям разведки, он ошибся со сроком начала войны, он хотел перехитрить Гитлера, а не удалось".

И ведь поверили! Миллионы военных, энкаведешников "стояли на страже священных рубежей Родины", а виноватым оказался один Сталин. Остальные участники трагедии 22 июня с тех пор чувствуют себя, как герой известной песни Булата Окуджавы: "Как славно быть ни в чем не виноватым, а просто быть солдатом, солдатом!".

Мы, через шесть с лишним десятков лет не вправе произносить кому-либо обвинительные приговоры. Но сделаем попытку разобраться в роли хотя бы главных действующих лиц, восстановить по их же воспоминаниям, как что происходило.

СОМНЕНИЯ, НАДЕЖДЫ, ОСТОРОЖНОСТЬ И УВЕРЕННОСТЬ СТАЛИНА

Что бы не писали недруги Сталина и что бы они не написали против него еще, он твердо знал о предстоящем нападении Германии. И Коминтерн, и разведка НКВД, и его личная разведка, которой он доверял больше других, постоянно информировали его об этом.

У военных, однако, существовало другое мнение. Оно предельно четко выражено в следующей докладной: "Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки".

Начальник Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии генерал-лейтенант Голиков".

Это сейчас легко обвинять в роковой ошибке генерала Голикова, а вместе с ним и Г.К. Жукова, его руководителя (он в 1941 году был начальником Генштаба). А тогда у них имелись свои основания для такого категоричного заключения. При утверждении плана нападения на СССР Гитлер дал поручение разработать и осуществить грандиозную кампанию дезинформации для его прикрытия. В "Плане Барбаросса" особо указано: "Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны".

Германия провела гигантские по своим масштабам отвлекающие мероприятия, создавая впечатление, что она самым серьезным образом готовится к высадке войск в Англию. Все это выглядело очень правдоподобно.



нако из своих наблюдений я вынес личное впечатление, что наше руководство колебалось. С одной стороны, оно получало тревожную информацию. С другой стороны, видело, что СССР к отпору агрессии еще не вполне готов. Если за последние два года численность наших Вооруженных сил возросла в два с половиной раза, то боевой техники было недостаточно. К тому же она частично устарела. Все мы стремились повлиять на ход событий, переломить его в нашу пользу и оттянуть конфликт. Но положение сложилось такое, что добиться этого не удалось.

Следует сказать и о другом. Поскольку в самом начале войны Англия и США стали нашими союзниками по антигитлеровской коалиции, большинство лиц, критически рассуждающих ныне о тогдашних решениях нашего руководства, машинально оценивает их лишь в плане советско-германской войны и тем самым допускает ошибку. Ситуация же весной 1941 года была чрезвычайно сложной. В то время не существовало уверенности, что не возникнет антисоветской коалиции капиталистических держав в составе, скажем, Германии, Японии, Англии и США. Гитлер отказался в 1940 году от высадки армии в Англию. Почему? Сил не хватало? Решил разделиться с ней попозже? Или, может, велись тайные переговоры о едином антисоветском фронте. Было бы преступным легкомыслием не взвешивать всех возможных вариантов. Ведь от правильного выбора политики зависело благополучие СССР. Где возникнут фронты? Где сосредоточивать силы? Только у западной границы? Или возможна война и на южной границе? А каково будет положение на Дальнем Востоке? Это многообразие путей возможных действий при отсутствии твердой гарантии, что в данном случае удастся сразу нащупать самый правильный путь, дополнительно осложняло обстановку".

Добавим к этому состоявшийся 10 мая 1941 года перелет заместителя Гитлера Гесса в Англию. Какие предложения он привез? О чем договорился?

Политика Англии и Франции в предвоенные годы была более чем двусмысленной. Гитлера они фактически поощряли во всех его агрессивных акциях в Европе, стремясь таким образом подтолкнуть к войне с СССР. Советские предложения заключить трехсторонний договор о взаимной помощи против возможной агрессии после долгой дипломатической волянки отвергли. Одновременно вели тайные переговоры с Германией, предлагая союз ей — естественно, против СССР. Это было бы для нас очень опасно.

И тогда Сталин принял решение заключить договор с Германией, которого она доби- валась, прежде всего, чтобы без помех оккупировать Польшу. А надобно знать, что перед этим польское правительство, крайне враждебное к нам, предпринимало огромные уси-